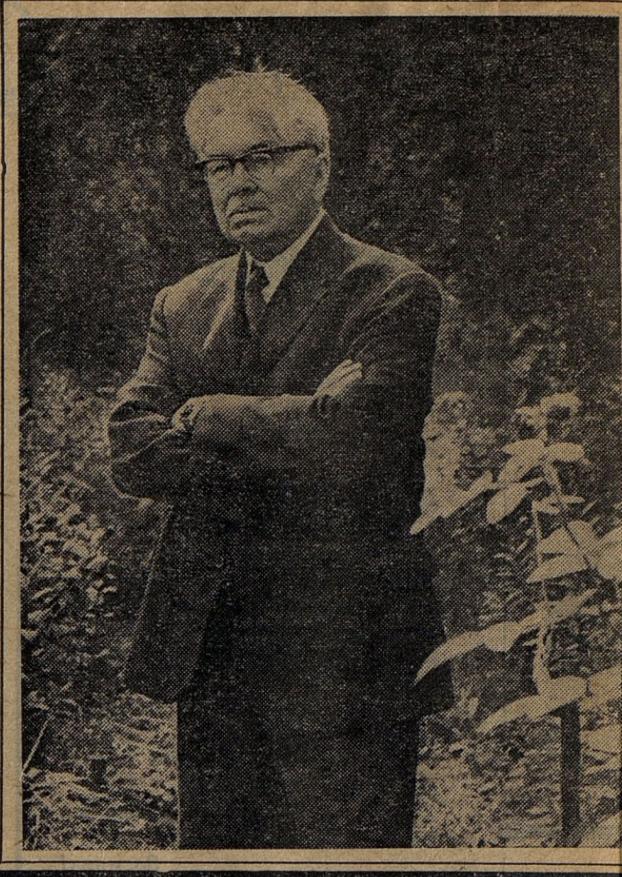

Исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Леонида Максимовича Леонова. Его книги «Барсуки», «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан», «Взятие Великошумска», «Русский лес», все его многогранное творчество — романы, повести, рассказы, пьесы, публицистика — известно миллионам читателей, оказывает большое воздействие на людские умы и сердца. В произведениях Леонида Леонова ярко и убедительно, с неотразимой художественной силой, драматизмом запечатлены эпоха революционного переустройства мира, формирование нового человека, получили свое глубокое освещение коренные вопросы бытия, человеческих отношений, морали и нравственности. Книги, выступления писателя пронизаны духом высокой гражданственности, партийности, постоянной думой и заботой о процветании социалистической Родины, о сохранении и приумножении материальных и духовных богатств, об упрочении мира на земле.

«Литературная Россия», предлагая вниманию читателей статью о военной прозе Л. Леонова, горячо поздравляет юбиляра, желает ему хорошего здоровья, многих лет жизни, новых творческих свершений.

Леониду Максимовичу Леонову — 85 лет

разговору советского писателя с интеллигентом Соединенных Штатов Америки:

«Каждый отец есть отец всех детей земли, и наоборот. Ты отвечаешь за ребенка, живущего на чужой материке... Вот правда, без усвоения которой никогда не выздоровеет нашей планете. Остаившись в размахе быстрой и решительной руку убийцы — вот неотложный долг всех отцов на земле. Иначе к чему наши академии и могучие заводы, седины праведников и глубокомыслие государственных мудрецов?»

Отцовское чувство направляло перо Леонова-драматурга, когда он создавал характер и судьбу Лёнушки в одноименном произведении. Ее суровая не по годам участь и рожденная от соприкосновения с Историей сказово-патетическая речь, весь ее сказочно-родниковый облик как бы предупредили появления Поли Вихровой в «Русском лесу». А окружающие ее русские мужики в драме, которую автор назвал «народной трагедией», стали литературными предвестниками таких удивительных и в бытовой крестьянской достоверности, и в своей легендарной самоотреченности защитни-

Но нельзя не признать и другое: названная повесть, как бы самым пафосом и масштабом мысли предназначенная для международной читательской аудитории, была переведена на большее в сравнении с другими произведениями число языков.

Это была первая повесть, всецело посвященная тому этапу борьбы, которого все мы ждали с особым нетерпением: гигантская колесница войны, выйдя на западные среднерусские земли, неминуемо покатила на запад. Здесь, на этих землях, провел писатель несколько очень хлопотных дней, перегруженных ценными наблюдениями, — в расположении 3-й гвардейской танковой армии. И прежде всего — у стола ее командующего Павла Семеновича Рыбалко, будущего маршала, «следа, так сказать, через его плечо за примерной деятельностью полководца в своей, уже созревшей тогда повести».

Главы из нее печатались в «Правде». В том номере, где была опубликована заключительная глава, говорилось, что наши войска «ворвались в город Сандомир, где завязали уличные бои», — война шла уже в глубине Польши. Размах и неодолимость наступления продолжали радовать, и это становилось обиходом нашего военного бытия. Возвращение к недавнему, к прежним исходным рубежам, было необходимым: к победам нельзя привыкать. Как и прежде, Леонов мудро «возвращал» советским людям то, что они совершили, раскрывая всю серьезность преград, мощь и мастерство одоления, мировой масштаб и сокровенную глубину содеянного.

В определенной мере борьба за старинный Великошумск запечатлена так, как это было характерно для начального этапа повествований о гражданской войне, — в поэмно возвышенном и символически обобщающем стиле. Повесть Леонида Леонова бытовые реалии сочетала с органичной патетикой, документально-тактической точностью батального эпизода — с философской грезой о «голубом будущем человечества».

Рассказ о нелегкой военной судьбе одного русского города соотносен в повести с рассказом об оперативно-тактических действиях одного танкового корпуса и с рассказом о подвиге одного танкового экипажа. Но относительно локальный характер военного сюжета не мешает автору повествовать, вопрошать и утверждать опять же в масштабах общечеловеческих. И уже сорок лет назад он пронизательно утверждал, что борьба нашего народа против захватчиков-милитаристов будет новым историческим звеном в справедливом пересоздании мира.

Таковы лишь немногие из проблем и аспектов, которые придают «Взятию Великошумска» ту заостренность, что делает повесть по-современному понятной и необходимой.

Уже в ходе самой военной схватки Леонов стремился обозначить социальную и моральную природу нашей будущей Победы. Она оказалась так велика среди всех других, тоже небывалых побед нашего строя, нашего народа, что мы зовем ее просто Победой. В леоновской формуле соединились — наш беззаветный, самоотверженный гуманизм: «Мы победили потому, что добра мы хотели еще сильнее, чем враги наши хотели зла», — и мудрая, глядящая далеко вперед забота о нашей силе, силе добра: «Мы знаем, чем грозило нам поражение; народ мой хочет изготавить эту победу с наибольшим запасом прочности».

Таким же запасом прочности обладают и военные произведения Леонида Максимовича Леонова.

В ответе за детей земли

Василий ХАБИН, кандидат филологических наук

КНИГИ Леонида Леонова задолго до войны обрели прозорливость глобальную: так философски значимо рассказывал он о социальном преобразении России, так реалистически зорко распознавал духовные и душевные глубины соотечественников, процессы их нравственного пересоздания, что не было необходимо сюжетно раздвигать географические границы этих книг, чтобы придавать им общечеловеческий смысл.

Леоновские произведения, написанные в эпоху социалистического переустройства, были прямо обращены к отдельному человеку.

Для Леонова это было прежде всего переустройство личности и судьбы. Переустройство трудное, с личными утратами, отчего саднило в душе, но — при неизбывном оптимизме сознания. Переустройство людей, подчас болезненная ломка их бытия, обновления в их отощаниях, похожие на порывы свежего ветра в весеннюю, ледоломную пору, — это и было для Леонова стремниной процесса преобразования огромной страны с ее многоукладной социальной структурой.

Скажем, «Соть» — это фантастическая дерзновенность дел и поступков героев. «Скутаревский» — драматическая сложность их жизненных историй и небывалая творческая пылкость, одержимость. «Дорога на океан» — это стимулирующее сознание и душу героя ощущение возможности воплощения большой мечты и превращение этой мечты в стремление, в пафос существования.

Великая Отечественная война стимулировала писателя на дальнейшее, весомое развитие самой близкой ему темы: «Россия и весь мир; русский характер и совершенствование человека на всей земле». В решении этой темы война внесла драматичнейший мотив небывалого «испытания на излом», выпавшего на долю советских людей. В то же время именно в военные годы в творчестве Леонова с наибольшей силой прозвучал мотив спасительной миссии России для всего человечества.

Где это было выражено сильнее — в прозе, драме, публицистике? Вряд ли возможны споры меж-

ду поклонниками каждого из этих литературных видов — по той причине, что у всех найдутся сильнейшие доказательства в пользу любого. С максимальной результативностью владел писатель разным оружием, мастерски использовал его «тактико-технические возможности».

Значительность того, что было им создано, прежде всего объясняется исторической правотой генеральной мысли: процесс социалистического пересоздания народа и человека в чрезвычайных обстоятельствах вражеского нашествия не прекращался, а усиливался.

Об этом говорит вся леоновская публицистика — от статьи «Наша Москва», написанной в ноябре 1941-го, до статьи «Имя радости», которая была создана уже в громах захватывающего салюта, в мае 1945-го.

«Поседелым, как сказанье, и, как песня, молодым» остается очерк о юном партизане Смоленщины Володе Куриленко. Когда земля, где он действовал, еще находилась под фашистской пятой, не все в подробности было известно о нем и о множестве его боевых подвигов. Наверное, потому и возникло то, что можно условно назвать очерком-сказаньем. И вместе с тем это первый художественно обобщенный портрет самого молодого из поколений, вступивших в борьбу.

Читая Леонова, понимаешь, что переход к интенсивному развитию в любой сфере человеческой деятельности зависит от интенсификации волевых усилий, сметливости, чувств человека. Такая неослабная творческая сосредоточенность на деле, которому человек служит, есть всегда верный рычаг победы. А неиссякаемым источником этой напряженной сосредоточенности является патриотическая, коммунистическая озаренность внутреннего мира героя. Та самая озаренность, которая делала фантастически результативными боевые действия русоволоского учительского сына на Смоленщине, так и не дожившего до совершеннолетия. Вот почему так значительно для всех нас,

людей любого возраста, звучит сейчас заголовочек леоновского очерка: «Твой брат Володя Куриленко».

Есть своя логика в том, что в одно и то же тревожное время лета и осени сорок второго года писатель рассказал о нашем советском брате и обратился к «Неизвестному американскому другу». Сначала — с одним письмом. Оно было написано для американского радио и передано через Совинформбюро. Год спустя — с другим, опубликованным в журнале «Знамя».

«Люди, когда они идут в одну сторону, — полутники и друзья. Когда они отдают силы, жизнь и достоинство за великое дело — становятся братьями. И если громадное преступление безнаказанно совершается перед ними — они соборники. Протестовать против этого неминуемого приговора можно только сегодня, пока судьба не сел за стол, — протестовать только делом и только сообща».

Так говорил Леонид Леонов с одним, будь то врач, инженер, ученый, литератор, а обращаясь к тысячам. К тысячам тех, кто молчалием, робостью, невмешательством позволил Гитлеру не только возникнуть на земле, но и вооружиться, развязать войну, какой еще не знали ни Европа, ни Америка, — тотальную. К тысячам тех солдат-союзников, кто, пока в фашистских душегубках и на кострах гибли дети России, «терпеливо, не первый год, ждал приказа» об открытии второго фронта.

«И я люблю мать мою Россию за то, что ум и сердце ее не разъединены с ее волей и силой... за то, что, гордая своей правотой, она идет вперед всех народов на штурм пристанища зла».

Эти два письма переиздаются и сегодня. В них ни прибавить, ни убавить — ни слова. И по прошествии десятков лет каждая реалия, каждый оттенок мысли помогают увидеть и почувствовать, что думалось, делалось и происходило тогда. Но реалии смертоубийственного фашистского человеконенавистничества и наши конкретные заботы тех дней о спасении Родины и цивилизации не мешают — помогают сегодня и нам

ков, как «шлемоносцы» из деревни Усвяты у Евгения Носова. «Лёнушка» по-своему продолжала тему пьесы «Нашествие». О чем же она, та первая пьеса, как-то сразу обретшая классическую осанку?

О смраде гитлеризма, который вдруг надвинулся на «провинциальный русский городок с колокольней вдали, на бугре». О том, каковы они, нелюди в серо-зеленой шинельной шкуре — разрушители, насильники и палачи. И — об их пособниках, меченых печатью Каина перевертышах местного значения, которые и в условиях оккупации уже отдают мертвецкиной.

Но прежде всего пьеса рассказывает о том, как посягательства и разбой вторгшихся врагов вызвали в душе обыкновенного с виду русского человека прилив чувств патриотизма и человеколюбия, будто слитых воедино. Они заполняют всю душу, не оставляя и уголка для частных забот. Это и есть один из тех случаев, когда говорят: на него нашло. Нашло и так ожесточило, отрядило на сопротивление, на отпор, что все опасения за себя и близких, все недоумения и обиды заслонили общая тревога и общая борьба.

Раньше в кризисные моменты уповали на высшего, небесного судию. Леонов показывает, как семьей врача Таланова и всеми нравственно причастными к ней людьми, каждым по-своему, каждым в свой срок, здесь, на родной нашей земле, овладевает понимание высшей справедливости.

Силой острой ситуации и неизбежного столкновения драматург заставляет всех этих людей раскрыться душой так, что и в слове, и в поступке они обнаруживали такое, что и сами в себе не всегда ощущали.

Нужно ли напоминать о том, как важно нынче в театре, кино, на телевидении подобное обнаружение потенциала наших душ, подобное воссоздание взлетов и самооткрытий человека?

Может быть, по этой причине пьеса «Нашествие» имеет у нас большую известность, чем повесть «Взятие Великошумска».